
[рецензии]

Екатерина Смирнова

«Тайная любовь к древностям» и столкновение культур

Бронислав Малиновский. Избранное: Динамика культуры.
Пер. с англ.: Кожановская И.Ж., Николаев В.Г., Порус В.Н.,
Трубочкин Д.В. М.: «РОСС-ПЭН», 2004. – 959 с.

Очередной том серии «Книга света» издательства «РОССПЭН» предлагает вниманию читателя два аспекта работы английского антрополога Бронислава Малиновского (1884–1942): полевые исследования, проведенные среди туземцев, еще мало затронутых влиянием западной цивилизации, и анализ современной ему ситуации столкновения в Африке двух культур, назначение которого состояло в том, чтобы выработать стратегию управления их взаимодействием.

Малиновский является представителем «функционального метода». Сам он его понимал как попытку объяснения «антропологических явлений на всех уровнях развития – через их функцию, через ту роль, которую они играют внутри целостной системы культуры, через то, как они соотносятся друг с другом в рамках системы, и через то, как данная система соотносится с физическим окружением» (с. 452 наст. издания; цитата из статьи «Антропология» («Anthropology») в 13-м издании энциклопедии «Британника», 1926 г.).

Утверждение о том, что ни один элемент исследуемой культуры не может быть вырван из контекста, прежде всего из контекста практической жизни, воплощено во всех без исключения текстах, представляющих материалы полевой работы на Тробрианских островах. (И это далеко не все материалы! Пребывание Малиновского в этом регионе было столь плодотворным, что благодаря ему на свет появилось множество текстов; один из наиболее известных – «Аргонавты западной части Тихого океана».) Любой запрет, любая сложившаяся форма поведения, будь то опре-

деленная норма или уклонение от ее выполнения, должны рассматриваться в рамках всей системы предписанных действий, действий, подлежащих запрету, и представлений, их обосновывающих. Обычаю, его нарушению и последствиям этого нарушения посвящена работа «Преступление и обычай в обществе дикарей» (1926).

Вопрос первобытного права сталкивался с определенными трудностями, пока не был выработан такой подход к накоплению материала, который не исходил бы из заранее сформулированных гипотез, например о «групповом браке» или же о патриархате. Другой пример непродуктивного предрассудка – предположение об автоматическом подчинении норме и традиции, которое придает наблюдениям определенный угол зрения. Малиновский опровергает существование как неких «групповых чувств», заставляющих дикаря спонтанно подчиняться закону, так и иллюзию свободного от всякого принуждения дикаря.

Единственная возможность приблизиться к действительному пониманию правового и экономического устройства – это рассмотрение всей совокупности фактов повседневной жизни. И становится понятно, что существует система взаимных обязательств, в которой каждый дар непременно требует своевременного ответного дара: на уровне деревень это обмен определенной пищей и услугами между прибрежными и внутриостровными районами, связанный с нехваткой или избытком по географическим причинам (например рыбы или плодов). Индивидуальный уровень также управляется принципом взаимности отношений, и каждый из уровней имеет определенную регламентацию по времени, по содержанию услуги или подарка, а также по тому, кто является партнером. На различных примерах Малиновский демонстрирует, какие побуждения приводят к желанию осуществлять обмен как можно эффективнее (таково честолюбие огородника), каким образом система обязательств связывает членов различных кланов и семей, укрепляя структуру всего общества.

Кроме выполнения закона, для лучшего понимания правовых отношений освещаются случаи его нарушения. К примеру, краеугольным камнем семейных отношений является принцип экзогамии. Так, один юноша, нарушивший этот запрет с дочерью сестры его матери, после того как отвергнутый соперник обвинил его публично в этом нарушении, согласно традиции должен был покончить жизнь самоубийством. Характерно, что сам факт преступления правил был известен и всеми осуждался, но именно открытое обвинение привело к печальному концу.

Этот и другие случаи нарушения традиции подтверждают мысль о том, что скрытое нарушение закона воспринимается терпимо, тогда как публичные заявления немедленно запускают механизм традиции, от че-

го не застрахованы лица, обладающие и высоким статусом – даже сын вождя должен уйти из деревни, когда произнесена традиционная формула изгнания. В целом же можно отметить, что большинство запретов, как и в европейском обществе, нерушимо лишь в идеале. На деле они нарушаются, однако тробрианцы из деликатности предпочитают замалчивать случаи особенно вопиющие.

Итак, ясно, что для действительного понимания другой культуры необходимо не просто выслушать (зафиксировать) свидетельства, но наблюдать, как различные представления преломляются в практической жизни. Так, мифологическую традицию можно считать только сводом текстов, но добросовестное полевое исследование показывает, что миф в действительности создает прецедент и управляет ритуалом, моральным и социальным поведением. Например, миф рассказывает о том, как люди потеряли вечную молодость, что духи умерших уходят из деревни и что они возвращаются раз в год; традиционно этот миф вспоминают во время приготовлений к ежегодному празднику возвращения духов. Миф о происхождении повествует о возникновении кланов, а в повседневной жизни в нем берут исток отношения между членами кланов, их статус, права на некую землю, определенные пищевые табу, специализация в изготовлении некоторых предметов и так далее. Работа Малиновского нередко напоминает в этом толкование сновидений: он находит множество элементов, которые ассоциируются с коротким и часто непонятным – если брать его изолированно – текстом мифа.

Пожалуй, самым важным аспектом жизни туземцев на островах является осуществление матрилинейного и патрилокального принципов. Они не обходятся вниманием ни в «Преступлении и обычае», ни в работах «Миф в первобытной психологии» и «Балома: духи мертвых на Тробрианских островах», ни, разумеется, в «Сексуальной жизни дикарей Северо-Западной Меланезии».

Грубо говоря, согласно матрилинейному принципу, только родственники по линии матери считаются настоящими родственниками. Роль же отца в зачатии тробрианцам неизвестна, что, впрочем, вовсе не мешает существованию самых теплых отцовских и сыновних чувств и ответственности за детей. Селится же женщина в семье мужа.

Эти два простых принципа приводят к множеству следствий для общества, которые так увлекательно описывает Малиновский. Ответственность за женщину несут родственники матери и прежде всего брат; это значит, что именно он должен заботиться о ее пропитании, в то время как муж этой женщины должен кормить семью своей сестры. Эти обязательства выполняются в рамках ритуалов, когда бравые огородники представляют на всеобщее обозрение плоды своих трудов, а затем про-

исходит торжественное распределение продуктов, и зачастую для этого приходится идти в другую деревню.

Зачатие приписывается влиянию духов умерших. Прожив какое-то время на острове духов и состарившись, дух готов, после некоторых трансформаций, закончить цикл. Он превращается в маленького ребенка, и другой дух вкладывает его в лоно какой-нибудь женщины, после чего она беременеет. Примечательно, что во время всех этих перевоплощений человек (дух) сохраняет принадлежность к своему клану. Это такая характеристика, которая не меняется никогда, но, в общем-то, реинкарнации особого значения не придается.

Также, согласно традиции, наследство, ранг, власть вождя, магия должны передаваться в рамках кровного родства – например, должность переходит от мужчины к детям его сестры. Однако обычай часто сталкивается с отцовскими чувствами, желанием передать все любимому сыну, что иногда приводит даже к значительным конфликтам.

Разумеется, одним из естественных следствий такого положения дел являются определенные брачные ограничения и предписания, табуирование сексуальных контактов с родственниками матери, даже запрет до определенного возраста на общение сестры с братом, который должен будет когда-то за нее отвечать.

Все это и другие интересные факты описаны в объемной «Сексуальной жизни дикарей».

Материалы, накопленные в непосредственном общении с туземцами, позволяют объемно представить фигуру Малиновского как этнографа-полевого. Истина о необходимости грамотной полевой работы в формировании теоретических положений была для него неоспорима. Чтобы она была таковой, исследователь прежде всего должен изучить язык, дабы не полагаться на возможно недостоверный перевод. Это дает возможность зафиксировать тонкие эмоциональные нюансы, помогающие понять действительное отношение к тому или иному явлению, лучше наладить контакт с информаторами.

Вообще же, более близкое общение, а не просто собиранье высказываний информаторов, позволяет достичь поставленной цели – увидеть функционирование институтов во всей их полноте. Например, очевидно, что, согласно идеалу традиции, для мужчины все женщины, являющиеся родственницами матери и членами того же клана, табуированы для сексуальных и брачных контактов. Тем не менее, существуют некоторые градации, определяющие, брак с какими родственниками может быть допустимым, а с какими – невозможен. Но на практике нарушаются даже самые строгие запреты (скажем, инцест брата и сестры), хотя эти

нарушения и осуждаются. Получить же такую полную картину на всех уровнях функционирования брачных институтов, разумеется, можно только благодаря правильной полевой работе.

Возможность управления культурными изменениями должна была сослужить службу колониальным правительствам, работавшим в Африке. И здесь проступает иное отношение к антропологии: это не только «тайная любовь к древностям» (с. 448), не просто изучение, фиксирование фактов и сравнение различных культур, но сила, которая может быть использована западной христианской цивилизацией в своих практических целях.

Изучать быстро исчезающие туземные племена – это важная составная часть развития социальных наук, но также и одна из обязанностей «цивилизации – ныне активно участвующей в уничтожении первобытной жизни». И все же древности должны знать свое место. «Эта задача не только имеет величайшее научное и культурное значение, но она также не лишена и заметного практического смысла, поскольку решение этой задачи могло бы помочь белому человеку управлять дикими племенами, использовать и «улучшать нравы» дикаря с наименее разрушительными последствиями для культуры последнего» (с. 212).

Оксана Тимофеева

Зигмунд Фрейд и политика равенства

Жак Рансьер. Эстетическое бессознательное / Сост., пер. с фр. и послесл. В.Е. Лапицкого. СПб.; Москва: «Machina», 2004. – 128 с. (Критическая библиотека)

Непонятно, какими соображениями руководствовался издатель, выбирая для первого знакомства русскоязычной публики с творчеством хорошо известного и широко обсуждаемого на Западе философа Жака Рансьера именно этот текст, более чем компактный и написанный по мотивам пары прочитанных лекций. Почему были оставлены без внимания такие программные книги, как, например, «Ночь пролетариата», «Философ и его бедняки», «Несогласие», «Разделение чувственного»¹, или другие,

¹ «La nuit des prolétaires : Archives du rêve ouvrier» (1981); «Le Philosophe et ses pauvres» (1985); «La mésétempte» (1995); «Le Partage du sensible : Ésthétique et politique» (2000).